

Ольга Смольская

Горькие и сладкие цветы судьбы

<https://litres.ru/74193509>

SelfPub; 2026

Аннотация

В основе произведений из цикла «Горькие и сладкие цветы судьбы» лежат реальные события, человеческие переживания, впечатления о поездках по Америке и России. Реальность переплетается с фантазией.

В повести «Первый опыт» красной нитью проходит тема любви молодого художника к зрелой женщине с непростой судьбой.

«Двойник» полностью основан на реальных событиях.

В рассказе «В антикварной лавке» реальность неожиданно оборачивается удивительной фантасмагорией в духе новелл Э.Т.А. Гофмана.

Объединяет эти произведения мысль о том, насколько важна человеку рука помощи, протянутая вовремя.

Ольга Панина - Смольская

Горькие и сладкие цветы судьбы

Ольга Панина-Смольская

Горькие и сладкие цветы судьбы

сборник рассказов

Содержание

Первый опыт

Двойник

В антикварной лавке

Первый опыт

Глава 1

Два молодых человека шли по переулку маленького подмосковного посёлка, в котором любила отдыхать московская творческая элита. Первый из них, Георгий, которого все называли просто Георг, был начинающим, но уже заявившим о себе художником, а второй, Михаил -- прозаиком и драматургом.

Михаил на ходу пытался ответить на вопрос друга, почему он пишет такие несовременные вещи, которые, с точки зрения художника, можно было назвать «антиквариатом в прозе». Прозаик с жаром объяснял Георгу, что, на его взгляд, все устали от житейской суеты, неурядиц, погони за призрачным счастьем -- и хотят красоты и чего-то возвышенного.

Пока Михаил доказывал другу свою правоту, последний мысленно улетел в другие сферы, и глаза его уже привычно нащупывали подходящую натуру для очередной картины. Молодые люди проходили мимо сада, утопающего в августовских цветах, от которых веяло какой-то тревожной, обжигающей прохладой, и художник, утомившись от спора с прозаиком, стал заглядываться на эти цветы, на всё это многоцветное великолепие. Он почувствовал, что в груди у него что-то защемило, затрепетало, -- захотелось тишины и одиночества, чтобы полностью погрузиться в желанное состояние творческого экстаза.

Художник и сам не знал, зачем затеял спор с другом, что за муха его укусила. И зачем надо было заявлять Михаилу,

что не стоит писать столь возвышенным слогом и на такие далёкие от современной жизни темы? Да пусть себе пишет, если чувствует такую необходимость.

-- Ведь ты же ищешь красоту и пытаешься перенести её на свои холсты? -- настойчиво спрашивал Георга Михаил.

-- Да, но изображение на полотне и проза -- совершенно разные вещи, -- упрямо не соглашался художник.

-- Разве? А я уверен, что это -- суть одно, только формы выражения разные, -- горячился Михаил.

-- И где ты видел такую любовь, какую описываешь? Её нет в современном мире! Это чувства средневековых рыцарей к дамам своего сердца. А кто сейчас так любит и так верен? -- Георг усмехнулся, прищулив карие глаза. Его густые тёмные волосы «ёжиком» стали ещё ершистее (по отцу в нём текла греческая кровь, и он очень этим гордился).

Молодые люди остановились у ограды сада, вдоль которой шли.

-- Бессмысленный спор, я больше не хочу ничего доказывать -- это пустое! -- отрезал Михаил, сердито запыхтев и сверкнув синей зеленью глаз. Его худощавая фигура будто ещё больше вытянулась и, казалось, выражала возмущение и несогласие, а светло-русые волосы рассыпались на два ряда и он их беспокойно поправлял.

-- Ну что ты так горячишься? У каждого своя позиция, -- примирительно сказал Георг, заглядывая другу в глаза. -- Да ты прямо кипишь!

Но успокоить Михаила было не так-то просто. Художник знал, что у друга вспыльчивый характер, тем более, сейчас была затронута самая его чувствительная струна.

-- Ну что, мир? -- доброжелательно, но твёрдо спросил Георг Михаила. -- Я знаю, ты достойный мастер своего дела -- и пиши себе о том, что тебя волнует, а прения и критика только подхлёстывают художника.

Эти слова и умиротворяющая сила Георга подействовали на Михаила благотворно, он сдался, выдохнул и улыбнулся. В этот момент они вдруг увидели в саду, за пышными цветами, женщину, которую ранее в пылу спора не замечали. Она собирала хризантемы, в руках у неё был целый букет. Женщина подносила цветы к лицу, вдыхала их аромат и при этом задумчиво улыбалась. Тут она подняла голову и от неожиданности замерла, с удивлением взирая на молодых людей, точно лунатик, которого внезапно разбудили. Юноши растерялись, но лишь на секунду, затем сразу же нашлись, раскланялись и стали уверять хозяйку, что у них и в мыслях не было кого-либо потревожить -- они остановились у ограды случайно, увлекшись спором об искусстве и литературе.

-- Мы из Москвы, а здесь сняли дом на месяц, -- пояснил Георг. -- Я -- художник, а мой друг -- прозаик.

-- Вот оно что, -- улыбнулась женщина, выслушав их сбивчивые объяснения. -- Раз уж случай нас свёл, давайте знакомиться: меня зовут Ада. Если у вас есть желание, можете войти и посмотреть мой сад.

Юноши назвали свои имена и поблагодарили хозяйку за приглашение.

-- Проходите, -- сказала она. -- Я сейчас открою калитку.

-- Да это просто рай какой-то! -- восхитился Георг, шагая с Михаилом по дорожке вдоль ряда цветов. Он залюбовался пышными хризантемами, похожими на светских красавиц на балу, гордыми гладиолусами и георгинами, что горели как яркие флаги, прикоснулся ладонью к бархатистым головкам пёстрых астр и погладил холодные, будто неземные, лепестки роз.

Михаил отметил про себя, что на длинном шёлковом халате Ады играет рисунок из таких же ярких цветов, как и в её саду. Ада, которая шла впереди юношей, обернулась и сказала:

-- Вот какие цветы мне удалось вырастить! Разве я не молодец?

Молодые люди переглянулись, и лёгкие улыбки заиграли на их лицах -- непосредственность хозяйки их развеселила.

-- Конечно, у меня есть помощница, спасибо ей. Иногда приходила её дочь и тоже работала с нами. В саду всегда много дел. Для меня этот труд -- сродни смыслу жизни, как бы претенциозно это не звучало, -- пояснила Ада. -- Так о чём вы спорили? Расскажите.

Юноши несколько смутились, но Георг ответил:

-- Это был вечный спор о красоте и любви... Мы дискутировали о том, как лучше раскрыть эти темы в творчестве.

-- Интересно... -- улыбнулась Ада.

Они подошли к беседке в виде летнего домика для чаепитий. Вокруг росли молодые деревца и зелёной стеной стояли высокие кусты роз, над которыми радостно гудели пчёлы и шмели, перелетая с цветка на цветок.

«Какое всё живописное и будто сказочное», -- подумалось Георгу.

-- А не попить ли нам чаю? -- предложила хозяйка.

-- Это было бы замечательно! -- обрадовался Михаил.

-- Вот вы мне и поможете вынести из дома чайник и чашки, ловлю на слове.

-- С удовольствием помогу, -- радостно согласился он. -- А наш художник пока полюбуется цветами.

-- Возьмите у меня хризантемы, несите их в дом, -- Ада передала букет Михаилу, -- а я налью воды в вазу.

Георг был рад, что его оставили одного. Он погрузился в созерцание прекрасного сада, который напоминал ему библейские райские кущи, и в то же время стал осознавать, что события развиваются как-то неожиданно и довольно быстро и что новая знакомая вызывает у него чересчур живой интерес. «Сколько обаяния в этой женщине! -- с восторгом подумал он. -- Неужели она живёт одна? Или у неё кто-то есть...». Не успел он закончить свои размышления, как Ада с Михаилом вернулись.

Все уселись за столик в беседке, хозяйка стала разливать чай. Молодые люди невольно залюбовались ею -- женщина

обладала природной грацией, движения её были гибкими, а манера держаться простой и естественной.

-- Так в чём была суть вашего спора? -- продолжила она расспросы. -- Я поняла, что вы спорили о том, как лучше раскрыть красоту и любовь в своих творениях?

-- Примерно так, -- подтвердил Георг.

-- Жизнь сама вам всё подскажет и жизненный опыт поможет. Но опыта у вас пока маловато, как я понимаю... -- улыбнулась Ада. -- Однако, это поправимо,

-- Напрасно вы думаете, что только опыт всё решает, -- резковато сказал Михаил. -- Кстати, я хотел спросить: как ваше отчество? Просто по имени обращаться неудобно, ведь вы старше нас.

-- Какая удивительная вежливость! -- с иронией заметила женщина. -- Как говорил Лопе де Вега: «Ну что за вежливая грубость?». Вы подчеркнули мой возраст, мне это, конечно, не совсем приятно, но куда деваться: годы... Правда, я их не замечаю и за цифрами не слежу. Обращаться ко мне можно без отчества, ведь вы люди искусства, а значит -- люди с другой планеты, и я того же поля ягода.

-- Вы пишете? -- с большим интересом спросил Георг.

-- Нет, -- ответила Ада.

-- А чем вы занимаетесь? Простите за любопытство.

-- Просто живу... -- Георг уловил в её голосе отрешённость и скрытую печаль, смутился и решил больше не задавать лишних вопросов.

«Наверное, поэтесса, -- подумал Михаил. -- И чем-то напоминает Анну Ахматову в молодости: такая же стрижка, тёмные волосы, гипнотический взгляд, гордая осанка. Только нос не как у Ахматовой, прямой, а взгляд огромных глаз такой же глубокий: в них можно утонуть».

-- Как художник, хочу сказать, что вы всегда будете молоды и современны, -- несколько глухим голосом произнёс Георг. -- Я чувствую в вас какую-то колдовскую энергию -- она просто ощутима! Разве не так?

-- Возможно, -- Ада внимательно посмотрела на художника. -- Но не всё, что вы чувствуете, стоит озвучивать. -- Она подлила в чашки чай и подала гостям печенье.

-- Вы бываете на озере? -- спросил её Георг, чтобы сменить тему разговора.

-- Бываю. Иногда купаюсь, а в прохладные дни прогуливаюсь по берегу. Мне там очень нравится.

-- Да, там чудесный песчаный пляж. В конце недели можно было бы сходить туда всем вместе и искупаться, -- предложил Георг.

-- Середина августа выдалась просто золотая, надо воспользоваться! -- поддержал друга Михаил.

-- Хорошая мысль, -- согласилась Ада. -- Давайте встретимся у озера в субботу в одиннадцать.

До субботы оставалось несколько дней. Молодые люди, занимаясь своими делами, постоянно вспоминали о новой

знакомой и гадали: кто же она -- поэтесса, актриса или... Как-то вечером Михаил сказал другу:

-- Я заинтригован новым знакомством. Интересно, кто же эта женщина? И как жаль, что она для нас старовата, я имею в виду любовь.

-- Ты так думаешь? Разве возраст играет такую решающую роль? -- задумчиво спросил Георг. -- Знаешь, Михаил, меня не могли взволновать многие девушки модельной внешности, а эта зрелая женщина вызвала целую бурю в моей душе.

-- Осторожнее: от неё действительно можно потерять покой!

-- Я и сам не пойму, что со мной происходит...

В субботу с утра было солнечно, светло, но на горизонте зависли огромные белые облака, блистающие в лучах солнца и словно застывшие в своём великолепии.

По дороге к озеру Георг отстал от Михаила, увидев незабудки на небольшой поляне. Он наклонился и стал очень бережно собрать эти маленькие цветы: цветочек к цветочку. Пока он их собирал, как раз заметил кипучую жизнь среди листвы и травы: в этой зелени и в земле копошились жучки, паучки, муравьи... «Да здесь целый мир! -- восхитился он. -- Видимо, у них свои законы и свои страсти. Не может быть, чтобы ими руководили одни инстинкты...».

Михаил окликнул друга:

-- Что ты там делаешь? Не отставай!

-- Иду! -- крикнул Георг, догоняя его.

-- Ты собирал незабудки? -- удивился Михаил, заметив в руке Георга трогательный букетик. -- Хочешь написать их акварелью?

-- Нет, это подарок Аде от рыцаря печального образа, -- шутливо ответил тот.

-- Хорошо помню, как кто-то недавно смеялся над такими рыцарями, -- поддел друга Михаил.

-- Что поделать, оказывается, человек совершенно не знает самого себя.

-- Старая истина!

-- Но когда она касается лично тебя, сразу делается очень новой.

Ада сидела на берегу и, завидев молодых людей, помахала им рукой.

-- Вы опаздываете, юноши, я уже минут пятнадцать вас жду! -- крикнула она.

-- В знак того, что вы нас прощаете, примите эти цветы, -- сказал Георг, подходя к ней и подавая незабудки.

-- Какое чудо! -- воскликнула она. -- Тут уж можно многое простить мужчине...

-- Учту на будущее, -- весело и беззаботно отозвался Георг.

Ада бросила на него быстрый взгляд

-- С незабудками у меня связаны очень личные воспоминания. Возможно, я когда-нибудь расскажу вам об этом, --

тихо сказала она и обратилась к Михаилу: -- А вы почему сегодня такой задумчивый и молчаливый?

-- Незабудки вывели меня из равновесия -- слишком хороши! -- буркнул он.

-- Не говори глупостей, -- осадил его Георг.

-- Какие вы смешные! -- улыбнулась женщина. -- Вы купаться собираетесь?

-- А вы? -- спросил Георг.

-- Нет, сегодня я купаться не буду, посижу у воды и посмотрю на вас, -- она поправила свою светлую блузу, которую теребил разыгравшийся ветерок.

Над озером низко пролетали быстрые птицы. Из воды, играя, с лёгкими всплесками выпрыгивали небольшие рыбёшки. Вокруг Ады покружила цветная бабочка, почти коснувшись её плеча, и скрылась так же внезапно, как и появилась.

От соснового бора доносился тягучий медовый запах сосен, а откуда-то издалека потянуло волнующей прохладой и свежестью грозы. Молодые люди скинули одежду и стали заходить в воду. Михаил ёжился и вздрагивал, его белая кожа покрылась мелкими мурашками, а Георг, крепкий, смуглый и ладный, как древнегреческий бог, нырнул в воду, как в родную стихию, обдав при этом Аду брызгами.

-- Холодновато... Хорошо, что вы не стали купаться! -- крикнул Аде Михаил, проплывая вдоль берега.

А Георг, словно не чувствуя холода, поплыл к середине озера. Ада заволновалась:

-- Не заплывайте так далеко! Ветер поднимается, тучи идут -- посмотрите!

Георг вернулся к берегу, втайне довольный тем, что Ада за него волнуется.

Михаил, выскочив из воды, стал растираться полотенцем.

-- Как бы не простыть, что-то я замёрз, -- стуча зубами, сказал он.

-- Одевайтесь быстрее оба -- гроза приближается! Добежим до моего дома, здесь не так далеко, наверно, успеем... Я напою вас горячим чаем с кагором, а то простынете, -- командовала женщина.

Молодые люди не без удовольствия подчинились ей и побежали следом за нею, смеясь, как дети. Купание их освежило, тела после холодной воды горели, а беспричинная радость вскипала как пузырьки шампанского.

В доме Ады стояла тишина. Художник и писатель как-то сразу притихли, присмирели от духа старины, царящего в этих стенах. Ада зажгла в гостиной камин и ушла переодеваться в спальную комнату, унеся с собой незабудки.

Юноши сели в кресла, с интересом разглядывая обстановку зала: старинную мебель, картины на стенах, книги и посуду в шкафах. Тут гром грянул с такой силой, что задрожали стёкла в окнах, и следом хлынул ливень.

-- Мы вовремя успели! -- Георг подошёл к окну.

-- А приятно, сидя у камина, слушать, как за окнами шумит гроза, -- задумчиво произнёс Михаил.

Расщеплённые молнии вспышками разрезали небо, раскаты грома напоминали трубные гласы.

Ада вернулась, переодевшись в длинное платье из текучей серебристо-песочной ткани, и сказала, что не стоит зажигать электричество, лучше свечи. Отодвинув вазу с хризантемами, она стала расставлять на столе подсвечники.

-- Зачем столько подсвечников? -- удивился Георг.

-- Я люблю, когда горит много свечей, и часто зажигаю их вечерами и в пасмурные дни, -- обернувшись к нему, с очаровательной улыбкой ответила она. -- Помогайте мне, друзья, доставайте бокалы и тарелки из «горки», кагор из шкафа на кухне, а из холодильника -- салаты, сыр, ветчину и фрукты.

-- Да это будет настоящий пир! -- Михаил, потирая руки, направился к «горке».

-- Значит, за нами в следующий раз ответ, -- быстро проговорил Георг, не в силах оторвать от Ады восхищенного взгляда.

-- Я согласна, -- просто, без кокетства ответила женщина и улыбнулась ему. -- Вас, Георг, мне хотелось бы иногда называть Жоржем, на западный лад. Можно?

-- Я предпочёл бы остаться Георгом, не обижайтесь, Ада, -- мягко отказался молодой человек.

-- И меня не надо на западный лад: хочу быть просто Михаилом, -- тут же отреагировал его друг, сервируя стол.

-- Пусть будет по-вашему, -- несколько шутливо сказала

Ада. -- Не знаю, почему мне захотелось Георгия называть Жоржем...

-- А я догадываюсь, в чём причина, -- неожиданно заявил Михаил.

-- И в чём же? -- Георг с интересом посмотрел на него.

-- Георгий -- очень строгое, гордое имя, возникает дистанция, а Жорж -- мило, как-то по-домашнему.

-- Да вы психолог! -- смущённо улыбнулась Ада.

-- Я писатель, правда, начинающий, и мне полагается быть психологом.

-- А коль вы писатель, расскажите нам что-нибудь интересное, -- предложила женщина.

-- Хорошо, расскажу смешной эпизод из своей жизни, -- согласился Михаил. -- Однажды в нашем книжном магазине продавщица спрашивает меня: «А вы сами пишете или вам кто-то помогает?». Я отвечаю: «Конечно, помогает! По ночам пишет мой пёс -- всё строчит и строчит, а я по утрам только проверяю тексты и редактирую».

Ада рассмеялась, а Георг только слегка поднял брови и усмехнулся.

Между тем они накрыли стол и принесли из кухни большой расписной чайник с горячим чаем.

-- Располагайтесь поудобнее, накладывайте себе салаты, -- обратилась к гостям Ада. -- Это дом моего деда, он завещал его мне. Здесь много старинных вещей -- всё наше, родовое, есть и большая библиотека. Вам нравится этот дом?

-- Конечно. От него веет стариной и тайной, -- ответил Георг.

-- Верно, -- согласился Михаил.

-- Именно стариной и тайной, -- подтвердила Ада. -- Друзья, наливайте кагор, можете добавлять его в чай, вам надо согреться.

-- Кто скажет тост? -- Михаил разлил вино по бокалам.

-- За хозяйку, таинственную женщину этого таинственно-го дома, и за знакомство! -- торжественно произнёс Георг.

-- Как пышно! -- улыбнулась Ада, глаза которой при свете свечей напоминали две большие блестящие черешни.

-- В духе средневековых рыцарей, -- поддел друга Михаил.

-- Прекрати! -- оборвал его тот.

-- Дорогие рыцари, оставьте колкости, -- остановила их Ада.

-- Я бы хотел написать ваш портрет, -- обратился к ней художник. -- Что вы на это скажете? Вы согласитесь позировать?

-- Как я могу вам отказать? Вы такой милый! -- она слегка дотронулась до его руки.

-- Мне приятно это слышать! -- обрадованно сказал Георг.

-- В вас, Ада, есть что-то царственное и это надо запечатлеть на холсте. Мне кажется, это место мелкогато для вас. Вам подошёл бы какой-нибудь большой роскошный город, например, Париж, Рим, или Лондон.

-- Это место мелкогато для меня?! И это говорит худож-

ник?! -- возмутилась Ада. -- Моя приятельница тоже недоумевает, почему я живу здесь, считает, что это место не для меня. Я с этим не согласна! Если и есть рай на земле, то для меня он здесь. Запах нашей земли, лес и озеро, русский говор, перезвон колоколов, наши дожди и снега... А мой дом и сад!

-- Но вы, наверное, любите путешествовать? Я уверен, что для такой женщины сидеть на одном месте было бы просто невыносимо, -- Георг вопросительно посмотрел на Аду.

-- Да, я иногда летаю за границу, в Европу, но всегда возвращаюсь сюда, в российскую глубинку, -- спокойно ответила она.

-- Куда именно вы летаете, и что вам больше всего там нравится? -- поинтересовался Михаил.

-- Я бываю в Италии у своего близкого друга. Мне там нравится всё -- и люди, и природа, и климат, и архитектура. А какие там музеи! -- она мечтательно откинулась на спинку стула.

В сердце Георга что-то кольнуло.

-- Я как раз хотел посетить Италию, -- тихо сказал он.

-- Художнику обязательно стоит побывать в этой стране и поучиться у старых мастеров, -- поддержала его Ада. -- А когда вы собираетесь ехать?

-- Пока не планировал точно, возможно, следующим летом...

-- А я, дай Бог, уже через месяц буду там! -- с воодушевл-

лением сказала она.

-- А как же наши планы написать ваш портрет? -- глаза Георга будто потускнели. -- Я не успею за такой короткий срок, работаю я обычно подолгу.

-- Тогда начнём писать здесь, а закончим в Италии. Хорошо я придумала?

-- А стоит ли начинать, если неизвестно, когда я смогу его закончить? -- упавшим голосом спросил художник.

-- Дорогой Георг, можете прийти уже завтра утром делать эскизы к портрету. Начнём работу, а потом обязательно продолжим. В любом случае, я вернусь сюда месяца через два или чуть позже... За домом будет смотреть моя помощница. Вы можете мне звонить, запишите мой номер, потом ещё обсудим некоторые детали.

Георг слегка кивнул и записал её телефон.

-- Ливень прошёл, нам пора. Спасибо вам, Ада, за обед. -- Михаил поднялся из-за стола. -- Вы спасли нас от дождя и простуды,

На прощанье Ада пожала им руки. Георг задержал руку женщины в своих ладонях дольше положенного, а она и не думала её отнимать и даже ответила ему лёгким пожатием. У Георга потеплело на душе. Но когда они с Михаилом пошли по переулку, его снова охватило беспокойство, и сердце сжалось от какого-то пронзительного чувства -- то ли радости, то ли тоски.

-- Что это со мной? -- удивился он. -- Я всегда умел владеть

собой...

На следующий день, подойдя к знакомой калитке, Георг обнаружил, что она открыта. Пройдя по дорожке, он застал Аду в саду за чтением. Она сидела за небольшим столиком под яблоней, ветви которой клонились под тяжестью спелых плодов. Земля вокруг дерева была усыпана крупными яблоками, которые выглядывали из низкой травы красными боками. И вновь вспомнился Георгу библейский райский сад -- картины Кранаха и Дюрера, на которых изображены прекрасные обнажённые Адам и Ева до грехопадения, не ведающие своей наготы, доверчивые и безмятежные. Художник подумал, что в следующий раз обязательно напишет Аду под этой яблоней, но сейчас ему хотелось изобразить её в старинном кресле у окна или камина, загадочной, царственной.

Молодой человек окликнул женщину.

-- Я рада вас видеть! -- она отложила книгу и встала. -- Как вы нагружены!

-- Это мои рабочие принадлежности и подарки для вас, -- художник достал из сумки большую коробку шоколада и высвободил из бумаги картину. -- Мой автопортрет, вам на память.

-- Вы дарите мне свой автопортрет? -- удивилась она.

-- Да, именно.

-- Это очень необычный и дорогой подарок. Я даже не знаю, как вас благодарить.

-- Благодарить не надо, я буду счастлив, если картина будет у вас.

-- Какой вы... Давайте занесём картину в дом, я хочу её внимательно рассмотреть.

Они вошли в просторный зал, и художник поставил картину у стены.

-- Это философский автопортрет, -- сказал он.

-- Вот как, -- словно про себя, произнесла женщина, не отрывая взгляда от картины. -- А что означают эти животные и птицы?

Георг промолчал.

В центре полотна, на дальнем плане, Ада увидела фигуру Георга, выходящего из какого-то античного дворца с мольбертом в руке. Слева была изображена большая серебристая рыба, справа -- две обезьянки на лианах, из зарослей выглядывал лев, а в траве притаилась крупная змея. Возле террасы дворца сидела птица в клетке, а в вышине парил орел. На небе -- одновременно -- были и солнце, и луна, и звезды.

-- Загадочная картина -- с подтекстом, -- задумчиво сказала Ада. -- Таинственное послание... Что вы хотите сказать зрителю?

-- А как вы думаете?

-- Я думаю, вам хотелось приоткрыть то, что спрятано в глубинах вашего подсознания и в тайниках вашего сердца.

-- Вы искусствовед? -- живо спросил молодой человек.

-- Вовсе нет. Просто я почувствовала скрытый смысл ва-

шей работы.

-- Вы меня поразили.

-- А вы -- меня. Да ещё как!

Оба рассмеялись.

Ада предложила Георгу выпить кофе, но он отказался, пояснив, что уже хотел бы начать работу.

Он усадил Аду в старинное кресло у окна и стал поправлять ей волосы, близко наклонившись к ней, так близко, что ощутил лимонный аромат её духов и свежий запах её упругого тела. У него закружилась голова -- он отпрянул и отошёл к мольберту.

Помолчав, Ада спросила, не включить ли музыку, и Георг тут же согласился.

-- Что будем слушать? У меня много классики, выбор за вами.

-- Пожалуй, Шопена, любое его сочинение, -- Георг пытался побороть охватившую его скованность.

-- Хорошо, сейчас.

Зазвучал Шопен, и Георгу, как будто, стало легче дышать и работать. Музыка сняла напряжение и поддержала его творческие силы.

Когда сеанс закончился, Ада снова предложила молодому человеку немного перекусить, но он почувствовал, что не сможет проглотить ни кусочка. Внутреннее волнение, как и прежде, поднялось у него в груди.

-- В ближайшие дни я буду очень занята, -- сказала Ада.

-- Готовлюсь к отъезду, много дел.

Тень пробежала по лицу Георга.

-- Тогда я буду работать пока по памяти, -- ответил он.

-- А через неделю, ровно в это же время, встретимся, -- Ада тепло улыбнулась, и в глубине её тёмных глазах промелькнуло что-то похожее на нежность.

Георг подошёл к ней вплотную, неожиданно наклонил голову к её плечу и уткнулся губами в её шею, прямо рядом с маленьким ухом, словно ребёнок.

-- Я не смогу без вас! Не уезжайте! -- с мольбой прошептал он.

-- Это невозможно! -- взволновано ответила она. -- Нам, видимо, лучше расстаться. Всё это становится слишком серьёзным -- и ничего хорошего из этого не получится. Мой отец, когда был жив, говорил, что я живу больше чувствами, чем разумом, и это может когда-нибудь привести к беде. Нам не стоит так погружаться в наши чувства -- это опасно!

-- Поздно... Я, пожалуй, пойду, -- он быстро собрал мольберт и кисти и, опустив голову, пошёл к выходу.

Почти бегом бросился он по переулку, прочь от дома Ады, понимая, что отныне вся его жизнь переменялась.

Глава 2

В течение недели Георг неоднократно зарекался никогда больше не встречаться с Адой, но потом менял своё решение. Он мысленно метался то в одну, то в другую сторону. Наконец непреодолимое желание видеть свою музу превы-

сило оскорблённое самолюбие молодого мужчины.

«Ада говорила, что мы продолжим работу через неделю, хорошо, продолжим, а там -- будь что будет. Лишь бы она согласилась встретиться! Я напишу такой её портрет, что она увидит во мне настоящего художника и мужчину, -- лихорадочно думал он. -- Портрет должен превзойти всё, что я писал до этого!».

Боль, которую он испытал во время их последней встречи, не утихла, нет, но он уже научился справляться с этой болью, стараясь загнать её в дальние уголки своего сердца, а там, в самой глубине, словно упрямый росток, зарождалась надежда на счастье.

В конце недели он позвонил Аде и, придав голосу бодрые интонации, как ни в чём не бывало, спросил, во сколько завтра они продолжат работу.

-- Вы всё-таки хотите писать мой портрет? Вот как? Но это пока невозможно, я улетаю раньше, чем планировала, уже завтра утром, так сложились обстоятельства. Вы ещё чудом меня застали. Диктуйте свой телефон.

-- Что случилось? Из-за чего такая спешка? -- удивился Георг и назвал номер своего телефона.

-- Я потом вам всё объясню, позвоню из Италии, а сейчас мне пора собираться. Милый мальчик, удачи во всём!

-- Когда мне ждать звонка?

-- Этого я не знаю, но позвоню обязательно.

-- Удачного полёта!

Прошла неделя, но звонка от Ады не было. Георг работал как одержимый -- продолжал писать портрет своей музы и начал новые картины.

Его бывший учитель как-то зашёл к нему и удивился:

-- Да ты делаешь успехи! У тебя появился неповторимый почерк. Это очень важно для художника. Мне всегда хотелось, чтобы ты раскрылся в полной мере. Видимо, что-то воодушевило тебя -- чувствуется такой подъём!

-- Есть причина, но мне не хотелось бы об этом говорить.

-- Ты прав, храни свою тайну. В жизни каждого человека должно быть место для тайны. Успехов тебе! Если ты и дальше будешь так писать, можно будет организовать выставку твоих работ в одной из крупных галерей. Я помогу тебе в этом.

-- Благодарю вас за такую оценку и желание помочь.

Михаил пригласил Георга отпраздновать в конце недели день своего рождения в ресторане на Арбате.

-- Соберётся небольшая компания, будут все свои, -- сказал он, -- моя девушка Елена, друг нашего золотого детства Даниил, если только выберет время, и Стас с Лерой. Кстати, эта красавица передавала тебе привет.

-- Спасибо за приглашение, старик. Во сколько собираемся?

-- В четыре. Хотел спросить: был ли звонок от Ады?

-- До сих пор не было. Я уже не знаю, что и думать, но чувствую, что в её жизни происходит что-то серьёзное.

-- Не переживай, она позвонит, я уверен. До встречи!

Пожелание Михаила не переживать нисколько не помогло Георгу -- он стал плохо спать, мысли бежали по кругу, и даже работа уже не спасала. Вечером следующего дня у него поднялась температура, начался озноб, и он слёг.

-- К сожалению, я не смогу приехать в ресторан, неожиданно разболелся, -- сказал он Михаилу по телефону. -- Подарок за мной.

-- Какой там подарок! Ты выздоравливай -- это главное! Завтра я тебя навещу.

-- Спасибо, не надо. Хочу спокойно отлежаться. Мама уже приезжала ко мне на квартиру, привезла лекарства.

-- Давай-давай, выкарабкивайся, не раскисай! Кстати, о тебе спрашивала Лера, проявляла большой интерес, говорила, что видела несколько твоих работ на одной выставке, но, мне кажется, её интересуешь именно ты.

-- Что за ерунда! -- удивился Георг. -- У неё есть Стас, я-то ей зачем?

-- Она к тебе явно равнодушна.

-- Прямо мексиканский сериал какой-то под названием «Сердце куклы». Она меня вовсе не волнует, в ней нет изюминки, загадки, а для меня это важно. Лера просто хорошенькая куколка, довольно примитивная...

-- Она не так глупа, как тебе кажется.

-- Всего лишь практичная, цепкая и с амбициями. Так я её почувствовал.

-- Нельзя требовать от людей слишком многого. Не могут же все быть яркими, умными, глубокими, да ещё и бескорыстными.

-- Конечно, не могут. Но девицы с пустыми глазками мне не интересны. Да и другу я бы никогда не стал дорогу перебегать. К тому же, в моей жизни появилась Ада, ты же знаешь.

-- Наверное, ты прав. Выздоровливай, дорогой!

В понедельник Георг сам позвонил Михаилу.

-- Что нового, дружище? Как отметили день рождения?

-- Не совсем удачно, -- ответил Михаил, -- видимо, потому, что не было тебя. Ты всегда приносишь мне удачу. Даниил приехать не смог, Елена начала капризничать и мы с ней поссорились, у Леры разболелась голова, она уехала довольно рано, а мы со Стасом остались вдвоём и напились, что мне, вообще-то, не свойственно. Теперь голова болит не только у Леры, но и у меня. Она, кстати, сегодня утром уже звонила, спрашивала о твоём самочувствии. Может, передать ей от тебя привет?

-- Это исключено.

-- А как ты себя чувствуешь?

-- Мне уже легче, но я всё равно лежу в постели, прики-

дываюсь очень слабым, много читаю и жду звонка Ады. У меня предчувствие, что она вот-вот позвонит.

-- Конечно, позвонит. Выздоровливай, ни о чём не тревожься. Если захочешь задним числом отпраздновать день моего рождения, скажешь мне об этом, и мы с тобой соберёмся в любое время.

В одиннадцать часов ночи Георг почему-то резко проснулся. Включив ночную лампу, он встал и, ероша волосы, прошёлся по комнате. Вдруг зазвонил телефон, молодой человек схватил трубку, но сквозь шум и гул ничего не было слышно. Наконец раздался знакомый голос.

-- Добрый вечер. Вы ещё не спите? -- спросила Ада.

Несколько секунд Георг не мог говорить, у него стоял комок в горле.

-- Почему вы так долго не звонили? Я не находил себе места, просто не знал, что и думать! У вас всё в порядке? -- наконец выпалил он.

-- Да, сейчас уже всё в порядке. Дело в том, что мой итальянский друг Пьер был болен -- и очень серьёзно. Состояние было пограничное -- сердце. Он кинопродюсер, у него бывают большие перегрузки, он себя не бережёт. Я ухаживала за ним, сейчас опасность миновала.

-- Ах, вот оно что! У меня тоже было пограничное состояние, если вас это интересует, -- Георг почувствовал, что Ада улыбнулась.

-- Конечно, меня интересует всё, что касается вас, -- голос Ады стал тёплым.

-- Я сделаю всё, чтобы прилететь в Италию: брошу все дела, займу деньги, открою визу...

-- Не торопитесь. Италию придётся отложить. У меня есть большая проблема, точнее сказать -- беда, о которой я никому не рассказываю, кроме самых близких. В обычной жизни я веду себя как ни в чём не бывало -- улыбаюсь, общаюсь, но эта беда постоянно со мной. Только надежда на благополучный исход держит меня на плаву. Мне придётся лететь в другую страну, которую я, уж не знаю почему, не люблю. Пьер поможет мне с этой поездкой. Он всегда и во всём мне помогает. Таких отзывчивых и бескорыстных людей редко встретишь. Мы с ним знаем друг друга сто лет!

-- Не надо о нём. Расскажите о себе и о своей проблеме. В какую ещё страну вы собрались лететь и зачем?

-- Я должна лететь в США, в Нью-Йорк. Мой сын пропал там без вести два года назад. Все это время я искала его, но безрезультатно.

-- Не может быть! Как же так? -- Георг не находил нужных слов от растерянности.

-- Да, к сожалению, это так.

-- А что он делал в США, чем занимался?

-- Изучал новую для себя страну. Вообще-то, он историк. Я ему говорила по телефону: «Возвращайся! Посмотрел чужие края -- и довольно, пора домой». Но он там встретил де-

вушку, влюбился и всё тянул с возвращением.

-- И где же эта девушка? Что она говорит?

-- Не знаю. Всё это, видимо, было мимолётно. Волонтёры помогают искать его, теперь от них пришла информация, что молодой мужчина, получивший черепно-мозговую травму два года назад в результате несчастного случая или падения, возможно, мой сын. Он находится в одной из клиник Нью-Йорка, у него амнезия. Мне необходимо срочно туда вылететь. Я уже была там однажды по этому вопросу, но тогда произошла ошибка -- это был не мой сын, волонтёры ошиблись.

-- Ада, вы найдёте сына! Верьте мне -- у меня очень сильная интуиция. Вы только молитесь!

-- Вы даёте мне совет молиться? А сами вы молитесь? Ходите в церковь?

-- Меня при рождении крестили, но, к сожалению, я давно не был в церкви. Когда была жива моя бабушка, она водила меня туда каждое воскресенье и на праздники, и мне там было хорошо. Я помню и долгие службы, и пение, и перезвон колоколов. После бабушкиной смерти я стал ходить туда довольно редко, вроде, дела меня отвлекают, но это, конечно, отговорки. Вот сейчас я почувствовал, как важно верить! Люди почему-то только в самые тяжёлые моменты вспоминают о Боге, такова неблагодарная человеческая натура.

-- Вы правы, Георг. И о родителях неблагодарные дети тоже вспоминают лишь тогда, когда им самим становится край-

не тяжело.

-- Верно. Я как раз думал написать блудного сына, так, как я вижу эту притчу...

-- Видимо, я вас недооценила: оказывается, вы очень взрослый по своей сути и даже мудрый, а мне часто не хватает мудрости.

-- Ада, я открою туристическую визу и вылечу в Нью-Йорк, чтобы поддержать вас.

-- Что я могу сказать на это? Может, вам не стоит так горячиться?

-- Что значит горячиться? У вас беда -- и я должен быть рядом! Сейчас я продиктую мобильный телефон моего нью-йоркского друга, его зовут Роберт, через него мы потом и свяжемся.

-- Ну что ж, хорошо, -- согласилась Ада и назвала день своего прибытия в Нью-Йорк. -- И не болейте больше! Я позвоню вам. Встретимся в Нью-Йорке.

Глава 3

-- Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в Международном аэропорту Джона Кеннеди города Нью-Йорк, -- объявила стюардесса на нескольких языках.

По корпусу самолёта барабанил сильный дождь. Георг посмотрел в иллюминатор и увидел посадочную полосу, серое здание аэропорта в густых нитях дождя и вокруг поля, залитые водой.

«Хорошо, что идёт дождь, -- подумал он. -- В такую погоду

мысли текут более спокойно».

-- Дорогие друзья, держимся вместе! -- объявил руководитель туристической группы, обращаясь к своим подопечным.

-- В аэропорту я отделюсь от группы, меня встретит друг, и жить я буду у него, -- сообщил гиду Георг.

-- Не теряйтесь, у нас запланирована очень интересная программа, -- сказал руководитель.

-- У меня будет своя программа, -- ответил ему Георг. -- Но я хотел спросить, входит ли в вашу программу посещение Метрополитен музея?

-- Обязательно входит!

-- Будем на связи. В день посещения музея я присоединюсь к вам.

Пока все проходили таможенный контроль, Георг обратил внимание, что в залах всё предусмотрено для более быстрого обслуживания пассажиров. Офицеры охраны руководили порядком и в обращении с пассажирами были очень внимательными и вежливыми. Среди офицеров Георг заметил много темнокожих женщин. Облегающая форма подчеркивала их колоритные формы. «Люди здесь очень улыбочивые и доброжелательные», -- отметил он про себя.

На выходе из здания аэропорта Георга поджидал Роберт.

-- Как я рад, что ты прилетел! Хорошо, что надумал посетить наши края! -- стал сыпать он радостными восклицани-

ями, обнимая друга.

-- У меня появилась серьёзная причина прилететь сюда, я говорил тебе об этом по телефону. Конечно, и тебя хотел увидеть, -- ответил Георг.

Глядя на Роберта, он подумал, что тот нисколько не изменился за эти годы и остался, как и прежде, «очень худым, очень высоким и очень жгучим брюнетом», как в шутку говорили о нём ребята в Москве.

-- Садись в машину, вещи я сам уберу в багажник, -- зашептал Роберт. -- Дождь стих, ехать будет легче.

-- В одной сумке -- стекло, подарки для тебя, не разбей.

-- Что ты выдумал! У нас тут всё есть.

-- Так это же подарки, да из родной Москвы!

-- Подарки из Москвы дорогого стоят. Моё сердце так и осталось там, на родине, хоть столько лет живу в Нью-Йорке... Вроде бы всё хорошо, но что-то не так. Однако, обратной дороги уже нет.

-- Надо же, -- удивился Георг. -- И что же тут не так?

-- Сейчас приедем, сядем за стол, и я тебе всё расскажу.

Пока они ехали и сбивчиво говорили обо всём понемногу, Георг рассматривал город в окно машины, но увидел совсем не то, что ожидал. А ожидал он, что вокруг будут стоять небоскрёбы, всё будет сверкать, как в западных кинофильмах, и он узрит роскошь, блеск, красоту и кипение жизни. На самом деле не видно было никакого блеска и никаких небо-

скрёбов.

Двусторонняя дорога, что вела из одного района в другой, («Всего в городе пять районов, наш -- один из самых дорогих», -- пояснил Роберт), лежала через какие-то заброшенные холмы, покрытые чахлой травой. Иногда по краям дороги мелькали неопрятные, неухоженные деревца, небольшие болота, поросшие осокой, озёра, водоёмы, по берегам которых лепились частные двух- и трёхэтажные дома в старинном англо-голландском стиле. Вдали, на огромном расстоянии от этих мест, виднелись небоскрёбы Манхэттена. Их верхушки напоминали сломанные зубья расчёски.

«Какой-то странный город, -- подумал Георг. -- Ада говорила, что не любит его. Но, может, она почувствовала неприязнь к Нью-Йорку из-за истории с сыном?».

Роберт сказал, что они въезжают в тот район, где он живёт. Георг увидел однообразные улицы почти без зелёных насаждений, однотипные шести-, десяти- и двенадцатиэтажные дома-коробки из бордового и тёмно-коричневого кирпича. Только между домами он заметил небольшие, огороженные металлическими резными оградами, внутренние дворики с цветами, кустами и редкими деревьями.

-- Везде то же самое, кроме Манхэттена, -- сказал Роберт, словно прочитав мысли Георга. -- Конечно, маленькие садики радуют глаз, и белки, обитающие там, оживляют картину. А что касается нью-йоркского метро, так оно вообще вызывает у меня удивление и даже содрогание, да и не только у

меня, но иногда приходится ездить и в метро.

-- Честно говоря, я ожидал увидеть нечто совсем другое...

-- Да ты не скисай! Здесь много красивых мест, есть на что посмотреть, всё увидишь и оценишь, и к океану съездим. Что мне здесь нравится, так это океан.

-- Да, хотелось бы увидеть то, что меня «зацепит», я планировал сделать зарисовки.

-- Мы приехали, выходи, прошу в мои апартаменты.

-- А квартира твоя или снимаешь? -- Георг с интересом огляделся, входя в небольшую квартиру-студию.

-- Снимаю. Сначала жил в общежитии, работал таксистом. Недавно открыл арт-салон, сейчас дела пошли в гору, в будущем мечтаю купить своё жильё.

-- Здорово!

-- Я без дела не сижу. Пишу картины, торгую поделками и бижутерией. Недавно принял продавщицу, один уже не справляюсь, ведь я ещё даю частные уроки музыки и веду шахматные кружки. Здесь все работают на двух-трёх работах.

-- Я слышал об этом, -- сказал Георг, снимая куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.